

‘МЯГКИЙ’ — ‘ТВЕРДЫЙ’ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИКА И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ

Ирина Седакова

Институт славяноведения Российской академии наук

irina.a.sedakova@gmail.com

Резюме: В статье проводится сопоставительный анализ болгарских и русских лексем со значением ‘мягкий’ и ‘твердый’, при этом особое внимание уделяется нюансам в их семантике и сочетаемости. Исследуются антонимические и синонимические поля соответствующих прилагательных, что позволяет выявить межъязыковые семантические схождения и расхождения в однокоренных словах, наличие / отсутствие (симметрию / асимметрию) общеславянской лексики в русском и болгарском словарях. Обнаруженные различия в семантике однокоренных словообразований свидетельствуют об общем мотивационном потенциале полисемичного корня, который может реализоваться неравномерно в болгарском и русском языках. Это проявляется в сочетаемости и в стилистической окраске исследуемой лексики (ср. рус. *черствый хлеб* / болг. *корав хляб*, болг. *корав* ‘твердый’, рус. *корявый* ‘кривой’).

Ключевые слова: болгарский язык, русский язык, лексика, адъективы, межъязыковая омонимия

1. Введение

Семантическое развитие словообразований от одного корня в славянских языках — направление, интересующее как лингвистов-теоретиков, лексикографов, так и практиков (преподавателей, переводчиков, студентов)⁸⁴. В силу небольшого объема статьи мы исходим из того, что классические публикации по лексике и семантике российских и болгарских лингвистов (Д. Н. Шмелев, В. В. Виноградов, Ю. Д. Апресян, Т. Бояджиев, Л. Андрейчин и мн. др.) хорошо известны специалистам; поэтому мы не повторяем основные постулаты, а сосредотачиваемся на конкретном анализе одной семантической оппозиции. Для данного исследования актуальными являются исследования Московской группы по лексической типологии Е. В. Рахилиной (Рахилина, Плунгян / Rakhilina, Plungian 2007), особенно проект по адъективной семантике (<http://lextyp.org/projects>). Данная методика в статье дополняется этнолингвистическим подходом, принятым в Московской этнолингвистической школе Н. И. Толстого и предполагающим привлечение более широкого материала (фольклорные, этнографические и другие народно-культурные факты), см. работы по сопоставительному анализу общеславянской лексики С. М. Толстой (Толстая / Tolstaia 2008, Толстая / Tolstaia 2019) и Е. Л. Березович (Березович / Berezovich 2014).

Известно, что в современных болгарском и русском языках многие однокоренные прилагательные различаются если не в своем основном значении, то в семантических нюансах, переносных употреблениях и сочетаемости. Так, болг. *тесен* соотносится с рус. ‘узкий’, а не с ‘тесный’, *прав* — с ‘прямой’, а не с ‘правый’, *суров* — с ‘сырой’, а не с ‘суровый’, *бистър* с ‘прозрачный’, а не с ‘быстрый’ и др. Эти примеры можно значительно умножить, и их детальный анализ покажет, что в ряде случаев оттенки сходных значений не встречаются в литературном языке, но обнаруживаются в диалектах или уже ушли в пассивный словарный запас, стали историзмами.

Исследование антонимических пар, образованных от общеславянских корней, в двух близко родственных языках весьма продуктивно и позволяет сделать важные теоретические выводы, которые могут применяться на практике, они совершенно необходимы в лексикографии (Делева /

⁸⁴ Публикаций по сопоставительному лексическому анализу и опытов лексикографического представления омонимов, «ложных друзей переводчиков» и пр. очень много, укажем рандомно несколько публикаций разных лет (Панчев / Panchev 1963; Червенкова / Chervenкова 1982; Хуцишвили / Khutsishvili 2010; Перванов / Pervanov 2010; Липовска / Lipovska 2011; Легурска / Legurska 2011; Делева / Deleva 2020 и др.).

Deleva 2020). Анализ совокупных значений с учетом различий поможет выявить направления семантических тенденций, уточнить мотивационные модели и тот потенциал, который развивается или не развивается в одном из языков и превращает некоторые слова в межъязыковые омонимы или паронимы. Подобный анализ мы провели в статье о лексике ‘легкости’ и ‘тяжести’ на общеславянском материале (Седакова / Sedakova 2013), но с акцентом на русский и болгарский языки. Были проанализированы случаи межславянской асимметрии и диффузии значений, а также стратегии воплощения базовых значений в одном прилагательном: рус. *легкий* совмещает значения двух болгарских адъективов — *лек* и *лесен*. Для передачи значений ‘трудный’, ‘тяжелый’ используется несколько лексем, то есть здесь, по терминологии Московской группы лексической типологии, применяется другая стратегия воплощения семантики (Кашкин / Kashkin 2014). Подобно этим примерам, в оппозиции ‘мягкий’ и ‘твердый’ значение ‘мягкий’ и в русском, и в болгарском передается одной лексемой, тогда как ‘твердый’ имеет по крайней мере три семантические доминанты, которые обозначаются целым рядом прилагательных, причем их набор в русском и болгарском языках различается. Подробный анализ данной оппозиции не проводился, хотя эти значения фигурируют в проекте Московской группы лексической типологии: предполагается их исследование в ряде языков на основе анкеты по сочетаемости прилагательных с существительными (Холкина / Kholkina b./g.). Эта анкета, направленная на типологическое исследование лексики разных языков, состоит из 56 словосочетаний, аналог которых нужно привести в анализируемом языке: «жесткое мясо», «твердый сыр» и др. Для болгарско-русских сопоставлений анкету потенциально следует видоизменить с учетом близости двух языков, сделав акцент на сходствах и различиях в употреблении однокоренной лексики. Кроме того, для нашего исследования мы не привлекаем признак ‘гибкий’, фигурирующий в анкете Л. С. Холкиной; большее внимание уделяем признаку ‘крепкий’, что существенно для славянских языков, ср. болг. *силен чай* и рус. *крепкий чай*.

Адъективная семантика и нюансы значения во многом определяются их сочетаемостью с существительными, и это будет видно из предлагаемого ниже анализа. Сочетаемость, «языковое поведение» по А. Вежбицкой, синтагматика языка — одна из актуальных проблем современной сопоставительной лингвистики. Ряд исследователей отмечают, что для сравнительного анализа релевантна вторая часть словосочетания, то есть какие субстантивы определяются адъективами — природные объекты, артефакты, лица, части тела и др. (Кашкин / Kashkin 2014; Делева / Deleva 2020: 26). Именно такова практика используемых нами лексикографических трудов, в которых статьи о прилагательных обильно дают адъективно-субстантивные словосочетания. Более того, словарные статьи открывают большой простор для изучения лексической типологии, поскольку включают в дефиниции не только словосочетания, но и адъективные конструкции с отрицанием⁸⁵ и зачастую антонимы.

Ряд адъективов входит в словарь традиционной культуры, получая символическое значение, ср. ‘легкий’ и ‘тяжелый’/‘трудный’ (Седакова 2013). При анализе ‘мягкого’ и ‘твердого’ мы не можем опереться на данные народной обрядовой культуры, поскольку эта оппозиция почти не актуализируется в ритуалах, но мы привлекаем фольклорные данные. В языке фольклора встречается немало словосочетаний, в которых прилагательные со значением ‘мягкий’ и ‘твердый’ используются в качестве постоянных эпитетов, частотны они и в пословицах. Весь этот материал — лексикографический, фольклорный и собственные лингвокультурные наблюдения — позволяет выстроить лексико-семантическое микрополе рассматриваемых адъективов и обозначить точки соприкосновения и расхождения в их значениях и сочетаемости в двух славянских языках.

2. ‘Мягкий’

Значение ‘мягкий’ в болгарском и русском языках передается однокоренными адъективами от о.-слав. *тѣк-ъкъ (БЕР / BER 1971 – 2017, 3: 719). Объем значений этих прилагательных в словарях во многом совпадает, определяя тактильную, отчасти визуальную и акустическую перцепцию:

⁸⁵ Здесь мы принимаем во внимание идеи С. М. Толстой о каритивных прилагательных, в значении которых релевантна сема отсутствия какого-либо признака (Толстая / Tolstaia 2008; Толстая / Tolstaia 2019).

‘поддающийся давлению’, ‘не содержащий острого, неприятного’, ‘свежий (о хлебе)’, ‘нежный’. В обоих языках ‘мягкий’ метафорически обозначает качества человека — неконфликтного, безотказного, кроткого, скромного и нежного. В сочетании с соматизмами адъективы имеют и прямое (болг. *мека коса*, рус. *мягкие волосы*), и метафорическое значение (рус. *мягкосердечный*, болг. *мекосърдечен* ‘добродушный’). Поэтому мы не согласимся с Л. С. Холкиной в том, что качества ‘мягкий’ и ‘твердый’ не подходят для живых объектов, а соотносятся только с неживыми артефактами (Холкина / Kholkina b./g.).

Согласно РБЕ, болг. *мек* имеет 15 значений, антонимами которых являются *твърд*, *корав*, *неприятен*, *груб*, *остър*⁸⁶; однокоренные БТР (БТР / BTR 1973 и ТСПЯ (ТСПЯ / TSRIA 2007) выделяют у болг. *мек* и рус. *мягкий* по семь значений. Такая многозначность прилагательных и их сочетаемостная валентность в русском и болгарском отчасти объясняются тем, что несколько семантических доминант выражаются одной лексемой (в отличие от ‘твердого’, см. ниже), то есть одна единица принимает на себя весь семантический объем, не «отдавая» его другим прилагательным.

Семантика и прагматика болгарского и русского адъективов *мек*, *мягкий* во многом совпадают, однако отличия имеются, в основном в переносных значениях и словоупотреблениях. Некоторые болгарские словосочетания и идиомы неизвестны русскому языку, и наоборот. Так, болг. выражение *меки очи*, *с меки очи*, хотя (судя по опросам автора статьи среди носителей языка) и вышло из активного словаря болгар, фиксируется во всех словарях и встречается в пословицах, ср. *Меки очи*, *мокри поли* (Славейков / Slaveykov 1972: 288). В русском языке встречается *мякотелый* ‘безвольный, слабохарактерный, уступчивый’, тогда как в болгарском такой композит отсутствует. Еще один пример с соматизмом показывает различия в словообразовательных моделях в двух языках: болг. *меко сърце*, *меко ми е сърцето* соответствует русскому композиту *мягкосердечный* или *добросердечный*. Эти словоупотребления документируют разнонаправленность и амбивалентность аксиологического потенциала качества ‘мягкий’ — как доброго, хорошего и как плохого (‘мягкий’ как бесхарактерный, нерешительный располагается в негативной части аксиологической оси). Это типично для многих прилагательных (ср. аксиологию качества ‘старый’ Кирилова / Kirilova 2013: 86; Седакова / Sedakova 2015: 250).

Особую ценность для исследователя в области сопоставительной семантики и узуса приобретает диалектная лексика, которая содержит оттенки значений и словообразования, раскрывающие семантический и аксиологический потенциал корня, ср. болг. диал. *мекиш* ‘мягкий человек’ (БЕР / BER 1971 – 2017, 3: 722); при этом *мекишар* — ‘человек со слабым здоровьем’, ‘изнеженный’, ‘не готовый к тяжелой физической работе’ (там же); ср. также болг. *Мека Гана*, *Мека Мара* (РБЕ / RBE). Рус. диалектные примеры соответствуют болгарским: *мягонький* (на работу), *мякун* ‘ленивый’ (СРНГ / SRNG 1965 – 2018, 19: 74, 81). Диалектная лексика во всем своем богатстве показывает антонимичные значения (и, соответственно, полюсную оценку) одного адъектива в разных регионах, ср. рус. якут. *мягкий* ‘проворный’ и рус. яросл. ‘медлительный’, *мякуля* ‘нерасторопный’ (СРНГ / SRNG 1965 – 2018, 15: 73, 81)⁸⁷.

Сопоставление эталонных для качества ‘мягкости’ сравнений также показательно: во многом оно опирается на общие онтологические свойства, но частично имеет и национальную специфику. Здесь также важно привлекать диалектные идиомы; например, псковский словарь дает следующие сравнительные обороты для *мягкий*: *как шелк*, *как вата*, *как мякиш*, *как пух* (СППП / SPPP 2001: 151) — при болг. сходном *мек като памук* и отличающемся *мек като душа* (РБЕ / RBE). Темпоральное идиоматическое выражение «с детства, с молодости» выявляет различие в адъективах: если в болгарском эта идиома звучит как *от меки нокти*, где *мек* обозначает ‘незрелый, нетвердый’, в русском языке аналогом выражения служит *с молодых ногтей*.

Пословицы строятся на противопоставлении ‘мягкости’ — ‘твердости’: *Кована воденица меко брашно меле*; ‘мягкости’ — ‘крепости’: болг. *Мекото въже претрива якия камък* (Геров / Gerov 1975 – 1978, 3: 109), *Мягкое слово кости ломает* (Даль / Dal’ 1978 – 1980, 2: 273 – 274); ‘мяг-

⁸⁶ Отметим к проблеме специфики сочетаемости, что болг. *остър* (*глас*) соответствует в этих контекстах не рус. *острый* (*острый голос), а *резкий*. Анализ различий в семантике этих слов со значением ‘острый’, ‘резкий’ выходит за пределы данной статьи.

⁸⁷ О связи различных признаков с характеристикой скорости, см. (Варбот / Varbot 1998; Борисова / Borisova 2015).

кости' — 'жесткости': рус. *Мягко стелет, да жестко спать*. С последним примером согласуются постоянные эпитеты, известные болгарскому и русскому фольклору: *мека постеля*, рус. *мягкая постелька*; в рус. плачах и поминальных словесных формулах упоминается *мягкое лежаньице*.

И наконец, упомянем общее для болгарского и русского этикета пожелание путешествуящим на самолете: болг. *Меко кацане*, рус. *Мягкой посадки*, — аналогичное терминологическому техническому обозначению.

3. 'Твердый'

Исходными лексемами для анализа служат континуанты *tvьrdь*(jь) (БЕР / BER 1971 – 2017, 7: 870) в болгарском (*твърд*) и русском (*твердый*) языках, значение которых, как показывают их дефиниции в словарях и прагматика, содержат три основные доминантные семы: собственно 'твердый', а также 'жесткий' и 'крепкий'. В отличие от адъективов *мек* и *мягкий*, разные качества обозначаются не одним прилагательным, а несколькими, что значительно расширяет синонимические ряды и приводит к серьезным межъязыковым отличиям. Значение 'твердый' передает прежде всего тактильное восприятие (*твердый*, *жесткий*), а также соотносится с представлением о 'надежности' (*крепкий*). Болгарский язык для этих основных значений использует адъективы *твърд*, *корав* и *крепък*, а рус. — *твердый*, *жесткий* и *крепкий*⁸⁸. Все эти прилагательные восходят к общеславянскому лексическому фонду, однако претерпевают в болгарском и русском языках значительные семантические изменения и демонстрируют отношения межъязыковой асимметрии.

Болг. *твърд*, согласно словарю РБЕ, имеет семь значений, четыре из которых — переносные. Сравнив с 15 значениями в том же словаре для *мек*, мы понимаем, что ряд значений 'твердого' отошел к частичным синонимам, покрывающим два других доминантных семантических ядра — 'жесткий' и 'крепкий'. Рус. *твердый*, согласно ТСРЯ, имеет пять значений. В русском, в отличие от болгарского, семантика твердости распределена между тремя адъективами равномерно: ТСРЯ дает по пять значений и в словарных статьях для *жесткий* и *крепкий*.

Вторая доминантная сема образует следующую пару: болг. *корав* и рус. *жесткий*. В болгарском языке форма **жестк-* отсутствует, фиксируется только прилагательное *жесток*, при том что в русском языке имеются два адъектива — *жесткий* и *жесточкий*, которые, будучи этимологически родственными, исторически разошлись в своем семантическом объеме. В значении, коррелирующем с 'твердостью', в болгарском языке, как уже упоминалось, выступает прилагательное *корав* от *кора* **karā* (БЕР / BER 1971 – 2017, 2: 627 – 628). Согласно РБЕ, *корав* насчитывает 12 значений, то есть намного больше, чем *твърд*; его семантика соотносится с сухостью, выносливостью и силой, эгоизмом и безжалостностью. По форме ему соответствует рус. *корявый*, которое в литературном языке с 'твердостью' не соотносится. Однако подобный семантический потенциал имеется, о чем свидетельствует диалектная лексика, особенно в переносном значении: ср. рус. ряз. *коравый* 'загрубевший' (СРНГ / SRNG 1965 – 2018, 14: 309) и *корявый* — 'жесткий' 'грубый', 'упрямый' (СРНГ / SRNG 1965 – 2018, 15: 40), ср. болг. *корав* в значении под номером 6 'грубый' (РБЕ / RBE).

Пара *корав* и *жесткий* во многом близка первой, *твърд* и *твердый*, и нередко с ней пересекается, как в прямых и метафорических значениях, так и в словоупотреблениях (*твърд/корав характер*; *твердый/жесткий регламент*). Отметим, что члены пар (болг. *корав* и *твърд*, рус. *твердый* и *жесткий*) по семантике очень близки, особенно в значении 'не оказывающий сопротивления, не меняющий формы'. Однако есть и расхождения, как внутри-, так и межъязыковые. Рус. *твердый* и *жесткий* различаются своей аксиологией: *твердый* — это позитивное свойство, тогда как *жесткий* — чаще негативное. Подобное оценочное различие отмечается и у болг. *твърд* и *корав* применительно к человеку: первое прилагательное характеризует выносливость (*Твърд на зима като куче*, Славейков / Slaveykov 1974: 484), а второе — упрямство и непонятливость. Так, сочетание

⁸⁸ В русском языке можно добавить еще и прилагательное *черствый*, которое соответствует болг. *твърд* и *корав*, ср. *черствый хлеб* и *твърд / корав хлеб*. Синонимии *жесткого* и *черствого* обнаруживает русская пословица с вариантами, приведенными В. И. Далем: «Мягко стелет, так черство (жестко, хрустко) спать» (Даль / Dal' 1978 – 1980, 2: 373 – 374).

прилагательного *корав* с существительным *глава* также дает отрицательное качество: *Имам корава глава*; *Корава ми е главата* обозначает ‘упрямый’, ‘несговорчивый’ (РБЕ / RBE). (Отметим в скобках, что в русском языке *тврдоголовый* — это ‘тупой, неумный человек’.)

Существенны и расхождения в терминологических словосочетаниях с ‘твердый’ в русском и болгарском языках, которые приводят к дальнейшим прагматическим различиям, в частности в использовании этой лексики в языке рекламы. Так, рус. *твердый знак* и *мягкий знак* исторически соответствуют болг. *голям ер* и *малък ер*, а болг. *твърда вода* — рус. *жесткая вода*. Буква Ъ и ее название «твердый знак» стали символом отличного качества и надежности (через семантику ‘твердости’) и часто используются в российской рекламе, ср. издание «Коммерсантъ».

И наконец, доминантная сема ‘крепкий’ в болгарском и русском лексическом воплощениях наряду с эквивалентностью показывает значительные расхождения в лексической представленности и сочетаемости в двух языках. Однокоренные прилагательные — болг. *крепък* и рус. *крепкий* — не демонстрируют полного совпадения: болг. *крепък* ведет к синониму *здрав*, весьма частотному в болгарском, тогда как рус. *крепкий* — к прилагательному *прочный*. Соответственно, рус. *здоровый* обозначает не крепость, а силу и размеры; прилагательного же **прочен* в болгарском языке нет. Значительно различаются идиоматические выражения с ‘крепкий’ в двух языках: в болг. фиксируется устойчивое словосочетание с пометой «ироническое» *на свети крепки*, то есть ‘неустойчиво, некрепко’ с апелляцией к церковно-славянской молитве («Святый крепкий, помилуй нас»). В русских идиомах актуализируется ‘сила, резкость слова’: *крепкое слово*.

Эталоны твердости и крепости в двух языках сходятся применительно к железу, но, как кажется, камень в болгарской картине мира ассоциируется с твердостью, крепостью: *твърд като камък*, ср. *Нуждата от камък по-твърда* (Славейков / Slaveykov 1974: 484), тогда как в русском — с устойчивостью (но ср. *гранит* как образец ‘крепкого’: *грызть гранит*). Болг. диал. *Твърдо като орей* «Твердый как грецкий орех» (Котова / Kotova 2002: 237) можно соотнести с рус. фразеологизмом *крепкий орешек*, который хотя и не содержит сравнения, но явно опирается на представления о значительной крепости ореховой скорлупы.

Оппозиция ‘мягкий’ — ‘твердый’ проявляется как системный факт в языке через симметричные устойчивые словосочетания, ср.: болг. *корави очи* ‘бесстыжий, нахальный’ антонимично выше упомянутому *меки очи* ‘стеснительный’; рус. *мяжкосердечный* и *жестокосердый*. Особенно отчетливо реализуют оппозицию народные пословицы и поговорки, см. выше в разделе ‘мягкий’, однако частотны и тексты, построенные на синонимии: *Корав хляб, корави зъби*; *На кораво дърво – корав клин забивай* (Славейков / Slaveykov 1974: 270; Младенов / Mladenov 1951: 1069).

Интересный случай представляет противопоставление глаголов *намекна* ‘намекнуть’ и *натвърдя* ‘твердо заявить’ в болгарском разговорном выражении *Не намекна, а натвърди*. Очевидно здесь имеет место народная этимология и омофония корней, а также срабатывает механизм бинарной конструкции и притяжения антонимических лексем (Толстая / Tolstaia 2015: 243) и их морфологическая унификация. Корень *мек-* в глаголе *намекна* этимологически не связан с *мек* ‘мягкий’ (болг. *намекна* ‘намекнуть’ дается как заимствование из русского (БЕР / BER 1971 – 2017 4: 485), ср. болг. пароним *намякна* ‘намякнуть, стать мягким’). Интересен и морфологический состав глагола *натвърди*, префикс которого дублирует литературное *намекна*. В устной речи и в интернет-чатах вариации подобного противопоставления встречаются регулярно: *Оня директно ми намекна (направо го натвърди), че тая щета да си я правя сам; Да не намеква, а направо да им натвърди; Годеника ти трябва да «натвърди», не да намеква* (<<https://m.bg-mamma.com/?topic=789253;all>>).

4. Заключение

Сопоставительный анализ плана содержания, плана выражения, системных связей и функционирования прилагательных со значением ‘мягкий’ и ‘твердый’ в болгарском и русском языках выявил ряд важных языковых фактов. Сравнение лексического состава микрополей, который отражает семантику членов противопоставления, показало отсутствие ряда общеславянских континуантов в одной системе (например, **прочен*, **жестк-* в болгарском языке) и серьезные различия в нюансах семантики и сочетаемости. Эти факты, в свою очередь, воздействуют на состав синонимических и антонимических рядов и развитие переносных значений. Представляется особенно продуктивным при сопоставительном анализе прилагательных обращаться к бинарным оппозициям; именно

так можно увидеть сложнейшие семантические переходы, которые, как показывает исследование, поддерживаются диалектными словами и отражают наличие общего славянского семантического потенциала, неравномерно проявившего себя в родственных языках. Этнолингвистический анализ семантических оппозиций всегда выводит исследователя на язык культуры, поскольку нередко тот корень, от которого образованы адеквативы, их семантическое ядро передают существенные для народной традиции представления. В рассмотренной нами оппозиции лишь некоторые параметры оказываются релевантными. Так, значение ‘твердый’ отражено в свадебной терминологии, ср. болг. *притвардак, потвърдък, протвърдък* о помолвке и ее реалиях (БЕР / BER 1971 – 2017, 7: 869). ‘Твердость, крепость’ слова — частый мотив в зачинах или финальных формулах русских заговоров: «Будьте мои слова крепки...».

Развитие болгарского и русского языков в последние десятилетия, в конце XX и в XXI в. демонстрирует расхождение в сочетаемости межъязыковой синонимической адеквативной лексики, в ее семантике и стилистике. Так, болг. разг. *жесток* в оценочном значении ‘отличный, прекрасный’ не находит однокоренного эквивалента в русском языке, тогда как в официальных российских СМИ частотным и постепенно расширяющим свою сочетаемость стало слово *жесткий* как эвфемизм для *грубого, жестокого*; ср.: рус. *жесткое задержание, жесткая реакция*; такие конструкции не имеют однокоренных соответствий в болгарском. Отход от общего фонового «советского новояза», официального языка порождает и будет порождать еще большие различия в семантике и узусе болгарской и русской лексики.

Цитируемая литература / References

- БЕР 1971 – 2017: *Български етимологичен речник. Т. 1 – 9.* София: Издателство на БАН (BER 1971 – 2017: *Balgarski etimologichen rechnik. T. 1 – 9.* Sofia: Izdatelstvo na BAN.)
- Березович 2014: Березович, Е. Л. *Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция.* Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. (Berezovich 2014: Berezovich, E. L. *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia.* Moskva: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke.)
- Борисова 2015: Борисова, Е. О. Лексика, характеризующая человека, как основа для обозначения скорости деятельности (на материале русской языковой традиции). – В: *Вестник Пермского университета.* Вып. 1 (29), с. 24 – 35. (Borisova 2015: Borisova, E. O. *Leksika, kharakterizuiushchaia cheloveka, kak osnova dlia oboznacheniiia skorosti deiatel'nosti (na materiale russkoi iazykovoi traditsii).* – In: *Vestnik Permskogo Universiteta.* Вып. 1 (29), pp. 24 – 35.)
- БТР 1973: *Български тълковен речник.* София: Наука и изкуство. (BTR 1973: *Balgarski talkoven rechnik.* Sofia: Nauka i izkustvo.)
- Варбот 1998: Варбот, Ж. Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии. – В: *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г.: докл. рос. делегации.* Москва: Наука, с. 115 – 129. (Varbot 1998: Varbot, Zh. Zh. *Slavianskie predstavleniia o skorosti v svete etimologii.* – In: *Slavianskoe iazykoznanie. XII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Krakov, 1998 g. dokl. Ross. Delegatsii.* Moskva: Nauka, pp. 115 – 129.)
- Геров 1975 – 1978: Геров, Н. *Речник на българския език.* Ч. 1 – 5. Ч. 6: *Допълнение / Събрал, наредил и изтъкувал Т. Панчев.* Фототипно издание. София: Български писател. (Gerov 1975 – 1978: Gerov, N. *Rechnik na balgarskiya ezik.* Ch. 1 – 5. Ch. 6. *Dopalnenie / Sabral, naredil i iztalkuval T. Panchev.* Fototipno izdanie. Sofia: Balgarski pisatel.)
- Даль 1978 – 1980: Даль, В. *Толковый словарь живого великорусского языка.* Изд. 3. Т. 1 – 4. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. (Dal' 1978 – 1980: Dal', V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka.* Izd. 3. T. 1 – 4. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.)
- Делева 2020: Делева, Н. *Русско-болгарские аналоги (Лексикографический аспект).* София: Парадигма. (Deleva 2020: Deleva, N. *Russko-bolgarskie analogi (Leksikograficheski aspekt).* Sofia: Paradigma.)
- Кашкин 2014: Кашкин, Е. В. К типологии признаковой лексики: семантика лексем со значением отсутствия неровностей в уральских языках в типологической перспективе. — В: *Acta Linguistica. Petropolitana. (Труды Института лингвистических исследований РАН).* Т. 10, 1, с. 735 – 747. (Kashkin 2014: Kashkin, E. V. *K tipologii priznakovoi leksiki: semantika leksem so znacheniem otsutstviia nerovnostei v ural'skikh iazykakh v tipologichskoi perspektive.* — In: *Acta Linguistica. Petropolitana. (Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN).* T. 10, 1, pp. 735 – 747.)

- Кирилова 2013: Кирилова, Й. Старостта като последен етап от житейския път на човек. — В: *Български език*, № 2, с. 75 – 88. (Kirilova 2013: Kirilova, Y. Starostta kato posleden etap ot zhiteyskiya pat na chovek. — In: *Balgarski ezik*, № 2, pp. 75 – 88.)
- Котова 2002: Котова, Н. В. *Горно поле. Дупнишко. Речник*. София: ДИОС. (Kotova 2002: Kotova, N. V. *Gorno pole. Dupnishko. Rechnik*. Sofia: DIOS.)
- Легурска 2011: Легурска, П. *Съпоставителни анализи и национална специфика на лексиката*. София: «Ето». (Legurska 2011: Legurska, P. *Sapostavitelni analizi i nacionalna specifika na leksikata*. Sofia: «Ето».)
- Липовска 2011: Липовска, А. О сочетаемостных свойствах имен прилагательных (русских и болгарских) в сопоставительном плане. — В: *Болгарская русистика*. 2011, № 5 – 6, с. 102 – 109. (Lipovska 2011: Lipovska, A. O sochetaemostnykh svoistvakh imen prilagatel'nykh (russkikh i bolgarskikh) v sopostavitel'nom plane. — In: *Bolgarskaia rusistika*. № 5 – 6, pp. 102 – 109.)
- Младенов 1951: Младенов, Ст. *Български тълковен речник с оглед към народните говори*. Т. 1. София: Дечо Стефанов. (Mladenov 1951: Mladenov, St. *Balgarski talkoven rechnik s ogled kam narodnite govori*. Т. 1. Sofia: Decho Stefanov.)
- Панчев 1963: Панчев, К. *Дифференциален руско-български речник*. София: Наука и изкуство. (Panchev 1963: Panchev, K. *Diferenciatelen rusko-balgarski rechnik*. Sofia: Nauka i izkustvo.)
- Перванов 2010: Перванов, Я. Материалы к руско-болгарскому сопоставительному словарю «СЭД». — В: *Болгарская русистика*, № 5 – 6, с. 5– 43. (Pervanov 2010: Pervanov, Ia. Materialy k rusko-bolgarskomu sopostavitel'nomu slovariü “SËD”. — In: *Bolgarskaia rusistika*, № 5 – 6, pp. 5 – 43.)
- Рахилина, Плунгян 2007: Рахилина, Е. В., В. А. Плунгян. О лексико-семантической типологии. — В: Майсак, Т. А., Е. В. Рахилина. *Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. Москва: Индрик, с. 9 – 26. (Rakhilina, Plungian 2007: Rakhilina, E. V., V. A. Plungian. O leksiko-semanticheskoi tipologii. — In: Maisak, T. A., E. V. Rakhilina. *Glagoly dvizheniia v vode: Leksicheskaia tipologiia*. Moskva: Indrik, pp. 9 – 26.)
- РБЕ: *Речник на българския език*. (RBE: *Rechnik na balgarskiya ezik*.) <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> [21.01.2021].
- Седакова 2013: Седакова, И. А. О ‘легкости’ и ‘тяжести/трудности’ в языке и культуре славян: Этнолингвистический анализ. — В: *Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации*. Москва: Индрик, с. 254 – 272. (Sedakova 2013: Sedakova, I. A. O ‘lëgkosti’ i ‘tiazhesti/trudnosti’ v iazyke i kul'ture slavian: Ètnolingvisticheskii analiz. — In: *Slavianskoe iazykoznanie: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moskva: Indrik, pp. 254 – 272.)
- Седакова 2015: Седакова, И. А. Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне). — В: Толстая, С. М. (отв. ред.) *Категория оценки и система ценностей в языке и культуре*. Москва: Индрик, с. 237 – 259. (Sedakova 2015: Sedakova, I. A. Aksiologiia starosti v traditsionnoi kartine mira bolgar (na obshcheslavianskom fone) — In: Tolstaia, S. M. (otv. red.) *Kategoriia otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture*. Moskva: Indrik, pp. 237 – 259.)
- Славейков 1972: Славейков, Петко Р. *Български притчи или пословици от характерни думи*. София: Български писател. (Slaveykov 1972: Slaveykov, Petko R. *Balgarski pritchi ili poslovitsi ot kharakterni dumi*. Sofia: Balgarski pisatel.)
- СППП 2001: *Словарь псковских пословиц и поговорок* / Сост. Мокиенко, В. М., Т. Г. Никитина. Санкт-Петербург: Норинт. (SPPP 2001: *Slovar'pskovskikh poslovits i pogovorok* / Sost. Mokienko, V. M., T. G. Nikitina. Sankt-Peterburg: Norint.)
- СРНГ 1965 – 2018: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1 – 50. Москва, Ленинград, Санкт-Петербург: Наука. (SRNG 1965 – 2018: *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 1 – 50. Moskva, Leningrad, Sankt-Peterburg: Nauka.)
- Толстая 2008: Толстая, С. М. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Индрик. (Tolstaia 2008: Tolstaia, S. M. *Prostranstvo slova v obshcheslavianskoi perspektive*. Moskva: Indrik.)
- Толстая 2015: Толстая, С. М. *Образ мира в тексте и ритуале*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского. (Tolstaia 2015: Tolstaia, S. M. *Obraz mira v tekste i rituali*. Moskva: Universitet Dmitriia Pozharskogo.)
- Толстая 2019: Толстая, С. М. *Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике*. Москва: Индрик. (Tolstaia 2019: Tolstaia, S. M. *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu i ètnolingvistike*. Moskva: Indrik.)
- ТСРЯ 2007: *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / Шведова, Н. Ю. (отв. ред.). Москва: Азбуковник. (TSRIA 2007: *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov*/ Shvedova, N. Ju. (otv. red.). Moskva: Azbukovnik.)
- Холкина б./г.: Холкина, Л. С. Признаки ‘Мягкий’, ‘Твердый’ (проект) <<http://lextrp.org/projects/признаки-мягкий-твердый/>> (Kholkina b./g.: Kholkina, L. S. Priznaki ‘Miagkii’, ‘Tvërnyi’ (proekt) <<http://lextrp.org/projects/признаки-мягкий-твердый/>>.) [21.01.2021].

- Хуцишвили 2010: Хуцишвили, С. Д. *Славянские межъязыковые омонимы*. Диссертация. Тбилиси. (Khutsishvili 2010: Khutsishvili, S. D. *Slavianskie mezh'iazykovye omonimy*. Dissertatsiia. Tbilisi.)
- Червенкова 1982: Червенкова, И. В. *О сопоставительном описании русской и болгарской лексики. Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков: Фонетика и лексика*. София: Наука и искусство. (Chervenкова 1982: Chervenкова, I. V. *O sopostavitel'nom opisanii russkoi i bolgarskoi leksiki. Voprosy sopostavitel'nogo opisaniia russkogo i bolgarskogo iazykov: Fonetika i leksika*. Sofia: Nauka i izkustvo.)

‘SOFT’ AND ‘HARD’ IN BULGARIAN AND RUSSIAN LANGUAGES: SEMANTICS AND COLLOCATIONS

Irina Sedakova

Institute for Slavic studies, Russian Academy of Sciences

irina.a.sedakova@gmail.com

Abstract: The article presents a comparative analysis of the Bulgarian and Russian words signifying the notions of ‘soft’ and ‘hard’ with special attention to the peculiarities in the semantics and word combinations. Antonymic and synonymic biases are inspected with the aim to show the semantic development of these entries of the vocabularies in the two languages and the similarity and distinctions (symmetry / asymmetry) in the common Slavic adjectives. Documented differences in the semantics of the adjectives with similar roots affirm that the root possesses a common motivational potential which shows itself in an irregular way in Bulgarian and Russian languages. This is evident in the particularity of the collocations and the stylistic differentiation of the words analyzed (cf. Rus. *cherstvyi khleb* / Bulg. *korav khliab*; Bulg. *korav* ‘hard’, Rus. *koriavyi* ‘distorted’).

Keywords: Bulgarian language, Russian language, lexis, adjectives, interlanguage homonymy

Irina Sedakova
Institute for Slavic Studies RAS
Leninskii prosp. 32 A
Moscow, 119338
Russia